

До экзаменов оставалось меньше двух месяцев. Едва завершилась торжественная клятва перед стодневным марафоном, как напряжение среди выпускников достигло предела: время пытались выкроить отовсюду, будто деля каждую минуту надвое.

Сюй Юньшань оканчивал вечерние занятия в десять, но домой не спешил. Он перебирался в школьный читальный зал и сидел там до полуночи, покидая его с неохотой лишь тогда, когда дежурный затворял двери.

В том доме было слишком темно и тяжело. Ему не хотелось туда возвращаться.

С начала второго полугодия выпускного класса обстановка в семье катастрофически ухудшалась. Долги компании росли, до объявления о банкротстве оставался один шаг, а у отца, Хэ Хуна, снова проснулась игромания, к которой добавились бесконечные измены.

На этот раз всё было иначе: у матери, Сюй Хуэйин, не осталось ни гроша. Лишившись денежной жилы, Хэ Хун сбросил маску и стал относиться к ней как к заляпанному грязью врагу.

Скандалы превратились в рутину. Лишь по временам, когда старший брат оказывался дома, наступало относительное затишье — да и то лишь потому, что Сюй Хуэйин изо всех сил сдерживалась. Опасаясь, что эти сцены окончательно подорвут и без того хрупкое здоровье сына, она отправила его в реабилитационный центр, где он находился уже долгое время.

И теперь каждый день они могли орать друг на друга без никого, сдирая последние остатки человечности, устраивая безумное зрелище с раннего вечера до глубокой ночи и выплёскивая накопившуюся желчь.

В ту ночь Сюй Юньшань вернулся поздно. Едва он переступил порог, как мимо его лица со свистом пролетел чёрный предмет и с грохотом врезался в косяк. Отскочив от его плеча, вещь упала на пол. Только тогда он разглядел телевизионный пульт.

Пальцы юноши дрогнули. В то же мгновение из глубины квартиры донёсся сорванный вопль Сюй Хуэйин:

— Хэ Хун, ты, ничтожество! Как ты смел тронуть эти деньги?!

Лицо матери исказила судорога, голос сорвался на пронзительный визг. Она хватала всё, что подворачивалось под руку, и швыряла в мужа. Треск и звон бьющейся посуды не замолкали ни на секунду.

— Это же деньги на лекарства Мучжи! Ты спустил их на карты и своих девок! Ты вообще человек после этого?!

Осколки и мелочи сыпались на Хэ Хуна. Тот, перекосившись от злости, глухо выругался и гаркнул в ответ:

— Это мои деньги! Что хочу с ними, то и делаю!

— Сумасшедший! Ты собственного сына в гроб загонишь! Ты хочешь, чтобы он сдох?!

— Сдохнет так сдохнет! — рывкнул Хэ Хун с такой силой, что Сюй Хуэйин застыла с широко раскрытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова.

Сюй Юньшань прижался к двери. Он до боли сжал лямки рюкзака и уставился в пол, боясь даже вздохнуть.

Переведя дух, Хэ Хун оскалился:

— Сюй Хуэйин, ради чего ты вообще цепляешься?! А? Двадцать лет! Сколько бабок ушло на эти грёбанные больницы и таблетки? Мы по уши в долгах, а ты всё не уймёшься! Да его не вылечишь, понимаешь ты своим умишком?! Зачем тратить?!

— Ты предлагаешь просто смотреть, как он умирает?! — Голос матери окончательно охрип, слезы заливали лицо. — Ты спокойно будешь смотреть, как твой сын угасает?!

Хэ Хун тяжело дышал, выдерживая её взгляд, и наконец выплюнул:

— А что я по-твоему должен делать?

Произнеся это, он будто окончательно утвердился в собственной правоте:

— Хочешь лечить — лечи дальше. С меня хватит. А с компанией делай что хочешь. Мы разводимся.

Он резко повернулся и только тут заметил стоящего у порога Сюй Юньшаня. Но посмотрел на него, как на абсолютно чужого человека — в этом взгляде не было ни капли тепла. Развернувшись, Хэ Хун шагнул за дверь и был таков.

Сюй Хуэйин стояла, тяжело дыша, до крови закусив губу. Наконец ноги подкосились, и она сползла на пол, ухватившись за край стола. Закрыв лицо руками, она издала глухой, животный стон.

Сюй Юньшань застыл. Он чувствовал: этот скандал был не похож на прежние. Всё самое мерзкое вылезло наружу, оборвав последнюю нить, на которой держался разум матери.

Глядя на рыдающую Сюй Хуэйин, он ощутил, как холод сковывает тело с самых пят. С трудом сделав шаг вперёд, юноша тихо позвал:

— Мам...

Сделав ещё пару шагов, он услышал ледяной приказ:

— Не подходи.

Сюй Юньшань замер.

Сюй Хуэйин перестала плакать. Спутавшиеся волосы закрывали её лицо, но голос, прозвучавший из-под них, был похож на шипение:

— Ты ведь рад, да?

Каждое слово впивалось в сердце юноши:

— Стоишь там, смотришь на это представление... И радуешься?

—...

— С тех пор как ты родился, всё пошло к чертям, — пробормотала она, снова всхлипнув. — Я потеряла здоровье, пришлось отдать компанию Хэ Хуну. Я смотрела, как бизнес рушится, как муж тащит в постель шлюх, как твой брат медленно умирает... А ты живишься без забот! Никаких страданий! Ты ведь счастлив, верно?! За тебя всё выстрадали другие!

—...Мам.

— Не смей звать меня матерью! — за взрывом ярости последовал безумный оскал. — Ты высосал из этой семьи всю удачу! Чёртово исчадие! Твоё благополучие куплено чужой кровью!

Она стала хватать со стола всё подряд и швырять в сына. Столовый нож, закружившись в воздухе, полетел прямо ему в лицо. Сюй Юньшань даже не успел уклониться — лезвие со свистом чиркнуло по щеке и с сухим стуком вонзилось в деревянную створку позади.

Сюй Юньшань стоял не шевелясь. Лишь спустя несколько секунд он сделал медленный шаг назад, потом ещё один. Дрожащими руками он нащупал дверную ручку:

— Я... я приведу папу обратно...

Выскочив за порог, он ринулся к лифтам, судорожно нажимая на все кнопки вызова, и уставился на прыгающие цифры на табло.

Дверь квартиры захлопнулась. Двери лифта плавно разъехались.

В голове царил оглушительная пустота. Он на автопилоте спустился вниз, вышел из подъезда и побрёл к уличным фонарям. Бледный свет выхватывал из тьмы клочки асфальта, в воздухе кружились мелкие пылинки.

Глухой удар.

В ночной тишине этот звук прозвучал невероятно отчетливо.

Сюй Юньшань замер. Сердце, кажется, тоже остановилось.

Так звучит упавшее на землю мягкое тело.

На секунду всё замерло — а затем улица взорвалась.

Одно за другим загорались и распахивались окна, из квартир высовывались люди. Крики, вопли, хлопанье дверей, топот ног...

Все эти звуки доносились словно издалека.

Сюй Юньшань обернулся. Через дорогу, у подножия его дома, уже собиралась толпа.

Он увидел знакомую узкую кисть руки. Из-под неё медленно вытекала тёмно-красная жидкость, извиваясь по асфальту тонкой змейкой.

Наконец-то... всё кончено.

Это была первая мысль, возникшая в его голове.

И когда он это осознал, путь назад был отрезан навсегда.

Цинь Чжэнь поднялась с залитого искусственной кровью настила. Янь Тин сидел неподалёку, потерев пальцами переносицу, — оба никак не могли выйти из тяжелого эмоционального состояния.

На съёмочной площадке царила давящая тишина. Никто не решался заговорить.

Спустя пару минут режиссер У Цюфэн первым разбил оцепенение:

— Отличная работа. Всем спасибо, снимаю шляпу.

Он громко хлопнул в ладоши, возвращая группу к реальности:

— На сегодня всё. Объявляю конец смены!

После слов режиссёра атмосфера разрядилась, сотрудники начали сворачивать оборудование. Цинь Чжэнь принялась вытирать салфеткой пот и грим с лица, а её ассистент помогал очистить платье от бутафорской крови. У Цюфэн подошёл к ней и протянул руку:

— Замечательно сыграно. Было приятно работать.

Актриса улыбнулась, отвечая на рукопожатие:

— Даже не верится, что эта сцена позади. Хоть съёмки шли не так долго, мне жаль расставаться. пожалуй, это самая сильная роль за весь мой год.

Режиссёр покровительственно похлопал её по плечу:

— Выдохни. Сегодня вечером нужно хорошенько отдохнуть. — Он огляделся и громко объявил:
— Едем вместе на ужин! Празднуем успешное завершение этапа, я угощаю!

Вялое настроение съёмочной группы мгновенно улетучилось. В команде было много молодёжи, да и время перевалило за полночь, так что вспыхнул жаркий спор о том, куда податься. В итоге сошлись на популярной круглосуточной шашлычной неподалёку.

Когда площадка была приведена в порядок, люди разбились на компании и направились к машинам.

— Брат Янь, ты только пить можешь, есть ни-ни! — жужжал над ухом Сяо Чжан. — Для следующих сцен тебе нужно ещё немного сбросить вес. Потерпи ещё чуть-чуть, ладно?

Янь Тин рассеянно скользил взглядом по сторонам и лишь невпопад угукнул.

Сяо Чжан вздохнул, представляя, как тяжело будет смотреть на уплетающих мясо коллег, но коллективный выезд отменить нельзя.

— Может, ты в машине перекусишь овсянкой с водой? Чтобы запахи жареного мяса так не дразнили?

— Угу, — с тем же отсутствующим видом отозвался Янь Тин и, будто разглядев кого-то в толпе, сделал шаг в сторону.

Сюй Юньшань стоял у самого края площадки. Перед ним о чём-то говорил У Цюфэн.

— Точно не поедешь? — уточнял режиссёр.

—...Да, — упадническим тоном пробормотал Сюй Юньшань. — Я устал. Лучше пойду отдохну.

— Ну ладно, высыпайся. — У Цюфэн сочувственно сжал его плечо, видя, в каком состоянии находится визажист. — Не бери в голову. Всё это уже в прошлом.

Сюй Юньшань кивнул. В этот момент подошёл Янь Тин:

— Режиссёр У, — улыбнулся актер. — Почти всё собрали. Едем?

Он быстро бросил взгляд на Сюй Юньшаня. Тот стоял, опустив голову, погружённый в какую-то беспросветную апатию.

У Цюфэн уже отошёл, а визажист всё так же застыл на месте.

— Чего встал? — спросил Янь Тин.

Сюй Юньшань очнулся и поднял глаза. В них стояла непроглядная тьма.

Янь Тин нахмурился:

— Что с тобой?

—...

— А? — Актер внимательно всматривался в его лицо, чувствуя: что-то не так.

Днем тот куда-то уходил, а вернувшись, ходил сам не свой. Из-за плотного графика расспросить не удалось. Неужели он опять встречался с тем «другом»?

Вопросов было много, но Янь Тин понимал: начини он расспросы сейчас — они снова сорвутся на ругань. А ведь в последние дни им кое-как удавалось соблюдать нейтралитет. Протягивая руку, он предложил:

— Поехали с нами?

Сюй Юньшань поглядел на его ладонь и отвёл взгляд. Говорить не хотелось совершенно. Мечта была одна — остаться в тишине.

Заметивший их задержку У Цюфэн вернулся:

— Юньшаню нездоровится, он не поедет.

Режиссёр просто хотел избавить парня от расспросов, но Янь Тин тут же насупился:

— Где нездоровится? Что болит?

От его напора Сюй Юньшань лишь прикрыл глаза:

— Я просто устал.

Он выглядел настолько измождённым, что Янь Тин молча смерил его пристальным взглядом.

Опять не спал? Снова всю ночь рисовал? Или это из-за дневной встречи?

Остальные уже зазывали их из машин. У Цюфэн направился к выходу, и Янь Тину ничего не оставалось, кроме как бросить короткое «Отдыхай» и присоединиться к коллегам.

Фанаты знали о ночных съёмках. Несмотря на поздний час, за ограждением всё ещё дежурила толпа. Едва Янь Тин появился на улице, как дремавшие поклонники оживились. Закрытый маской и кепкой, он лишь улыбнулся глазами и помахал рукой, после чего под прикрытием ассистента и охраны быстро скользнул в авто.

Заведение находилось близко, но, чтобы оторваться от возможных преследователей, Сяо Чжан сделал пару кругов по району.

Ночью машин было мало, и хвост засекался на раз. Видя в зеркале заднего вида темный седан, державшийся на одном и том же расстоянии, Сяо Чжан раздражённо пробормотал:

— Вот ведь пристал... Ну поедем мы за шашлыком, какой тут эксклюзив можно выследить?

Сяо Чжан работал с Янь Тином много лет и точно знал: его босс — самый чистый артист во всём шоу-бизнесе. За годы карьеры — ни одного скандала, ни одной грязи. Имея внешность для романтических дорам, он в них принципиально не снимался, выбирая сложные роли без любовных линий.

К тому же, идеальное воспитание: в быту почти не матерился, не курил, пил умеренно, со всеми был вежлив. Просто эталон.

Единственным поводом для шумихи в прессе в своё время стало его происхождение — когда выяснилось, что его отец — владелец «Хунхэн», Янь Цзяньхун. Новость тогда взлетела на первое место в трендах Вэйбо. Но к тому моменту Янь Тин уже имел несколько престижных наград и признание критиков, так что сплетни не навредили его репутации, а только закрепили статус «идеального парня».

Из-за этого фанатики и папарацци слетали с катушек ещё сильнее. Однажды какой-то безумец ночью залез к нему на балкон шестнадцатого этажа. К счастью, обошлось без жертв, но после вмешательства полиции актеру пришлось сменить жильё.

Вспомнив тот случай, Сяо Чжан насупился и ещё раз глянул в зеркало:

— Брат Янь, мы так и будем кружить? Может, я выйду и поговорю с ним?

Янь Тин подпёр голову рукой, глядя в окно:

— Поворачивай назад.

—...Чего?

— На площадку, — повторил он. — Если поедет за нами — выйдешь и поговоришь.

— А... ладно, — недоуменно отозвался ассистент, крутанув руль.

У съёмочного павильона уже было пусто — фанаты разошлись. Чёрный седан действительно припарковался неподалёку. Сяо Чжан привычно подошёл к окну чужой машины, быстро уладил вопрос и вернулся.

Но едва он собрался сесть за руль, как Янь Тин вышел наружу.

— Брат Янь, всё улажено, погнали к ресторану!

— Подожди, — актер направился к зданию. — Заберу кое-что.

— А? Да там всё заперто уже! Давай после ужина... Эй, почему открыто?! — Сяо Чжан увязался следом и обомлел, когда Янь Тин беспрепятственно толкнул дверь. — Кто последний уходил?! А если бы кража?!

Янь Тин застыл на пороге, задумчиво разглядывая полутёмный холл.

Не заперто... Значит, Сюй Юньшань всё ещё здесь?

Он единственный отказался от банкета и уходил последним. С его въедливостью и педантичностью забыть про замок он просто не мог.

Сказал, что вымотался, а сам не идет домой? Чем он тут занимается?

Игнорируя причитания ассистента, Янь Тин шагнул внутрь.

Основное освещение было выключено. Команда шумной ватагой уехала полчаса назад, долго еще галдя у машин, но теперь здание погрузилось в абсолютную тишину.

Сюй Юньшань стоял не шевелясь. Звук зазвонившего телефона в пустом помещении прозвучал подобно грому.

Он вздрогнул, достал мобильный. На экране светился незнакомый номер.

Кто может звонить в такой час?

Помявшись, он принял вызов:

— Алло.

Из динамика донёлся развязный голос:

— Привет-привет.

—...Кан Пэн? — Сюй Юньшань нахмурился. — Чего тебе еще надо?

— Да ничего я не сделал! Ты на мои звонки не отвечаешь, пришлось с чужого набрать, — как ни в чём не бывало отозвался тот. — Надо же, узнал меня по голосу. Приятно.

Сюй Юньшань закрыл глаза, справляясь с подступающей тошнотой:

— Говори по делу.

— Я подумал, утром ты будешь занят, вот и набрал сейчас. Не помешал отдыху?

— Ближе к делу, — сдерживая раздражение, отрезал визажист.

— Эх, всё такой же сухой, — вздохнул Кан Пэн. — Ладно. Хотел сказать, что двести тысяч я получил. Осталось ещё пятьдесят. У тебя же найдётся эта мелочь?

Сюй Юньшань обомлел:

— Какие ещё двести тысяч?

У него не было таких денег, и с Кан Пэном он в последние дни не связывался. Откуда у того эта сумма?

Осенившая мысль заставила его сжать телефон так, что побелели костяшки:

— Ты... ты ходил к моему брату?!

Кан Пэн спокойно признался:

— Ну да. Те коллекторы проходу не дают, а ты трубу не берёшь. Пришлось стрясти с Хэ Мучжи.

— То есть они выбивали долг не с меня, а с тебя?

— Заём-то на моё имя оформлен, с кого им ещё спрашивать?

Сюй Юньшань молчал. Если бы он не знал Кан Пэна как облупленного, может, и поверил бы. Три года кредиторы сидели тихо, а стоит этому ублюдку вернуться — и они вдруг встали на дыбы? Кан Пэн явно вернулся в страну не ради решения этих проблем.

— Но ты не переживай, я не стал требовать с него всё — видел же, что у него голодраные карманы, — продолжал тот. — Закрой скорей эти пятьдесят тысяч, а остаток с процентами отдашь потом, там копейки.

Сюй Юньшань не проронил ни слова.

— Кстати, моё предложение всё ещё в силе, — понизил голос Кан Пэн. — Если не соберёшь сумму — призови меня на помощь, ты же знаешь, я...

Сюй Юньшань сбросил звонок.

Тишина снова накрыла комнату, а сердце визажиста ухнуло в ледяную бездну.

Он снова всё испортил.

Столько лет пашет — и едва сводит концы с концами. Не может скопить на погашение долга, не способен оплатить лечение брата.

Почему у него ничего не получается?

Сюй Юньшань поднял взгляд на площадку — декорацию балкона, под которым лежал сдутый амортизационный матрас. Именно оттуда снимали падение персонажа Цинь Чжэнь.

Бутафорскую кровь уже смыли, матрас превратился в тонкую тряпку на полу. Все выглядело так, будто ничего и не было, но в памяти Сюй Юньшаня ожили призраки прошлого.

На съёмках сцены резались на дубли, а сюжет был перекроен фантазией Хэ Мучжи. Но настоящие, жуткие кадры той ночи навсегда въелись в память Сюй Юньшаня.

Грудь сдавило. Каждый вдох давался с трудом, будто на лёгкие уложили бетонную плиту. Ноги подкосились, и он медленно сполз на пол.

Падение с десятого этажа. Сюй Хуэйин скончалась мгновенно.

Полиция и скорая приехали быстро: ленты, протоколы, погрузка тела... Через пару часов от трагедии на асфальте не осталось и следа.

Человека не стало за одну ночь.

А мир продолжал крутиться. Время не остановилось, жизнь вокруг не изменилась — разве что соседи пару дней посудачили о происшествии за чаем.

Отец вернулся лишь затем, чтобы закрыть юридические вопросы, после чего испарился. Компания объявила о банкротстве, квартиру забрали за долги. Сюй Юньшань и Хэ Мучжи в ту же ночь съехали в дешёвое съёмное жильё.

Сидя на узкой койке той каморки, Сюй Юньшань всё ещё не мог поверить в происходящее. С

самого детства ему казалось, что у него ничего нет. Но только тогда он осознал: теперь он действительно нищий.

Хэ Мучжи достал из сумки чистую футболку и протянул ему:

— Сходи в душ. Потом ложись, завтра в школу.

Сюй Юньшань тупо уставился на одежду.

—...Брат, — прошептал он сухими губами. Пальцы сжали ткань. — Я не должен был уходить.

Хэ Мучжи тихо отозвался:

— Юньшань...

— Если бы я остался, я мог бы удержать её! — Глаза зажгло, губы задрожали. Как бы он ни привык сдерживаться, слезы хлынули градом.

Капли падали на ткань футболки, впитываясь без следа. Ничего уже не вернуть.

Если бы он не убежал, мать, возможно, не сорвалась бы в пике. Даже если бы она попыталась — он бы помешал!

Но он сбежал. Из-за глупого, ничтожного страха просто струсил и ушёл.

А когда увидел её тело... в глубине души проскользнула та самая, ужасная мысль.

— Прости меня... — Сюй Юньшань зажмурился, но слезы текли и текли. — Прости, прости меня...

— Юньшань, ты не виноват. — Хэ Мучжи привлек его к себе и крепко обнял. Его широкие плечи дарили тепло, ладонь успокаивающе гладила по спине. — Ты ни в чём не виноват. Всё наладится.

Сюй Юньшань дрожал в его руках, постепенно приходя в себя, как вдруг ощутил, что ткань на его плече намокла.

Это был единственный раз в жизни, когда он видел, как плачет его брат.

И плакал тот не о себе.

Тогда Сюй Юньшань снова вспомнил слова матери:

Зачем ты плачешь при брате? Ему и так тяжело, а ты делаешь только хуже! Ты здоров как бык, живешь в своё удовольствие — о чём тебе сопли распускать?!

Сюй Юньшань открыл глаза, остекленело уставившись в темноту. Эти слова, которые он так ненавидел, звучали в его голове набатом.

Он вдруг понял: она была права.

Ноги онемели от долгого сидения на корточках, и он пересел прямо на холодный пол, уставившись на погасший экран телефона.

В тёмном стекле отражалось его собственное бледное лицо. Ему хотелось набрать номер Хэ Мучжи, но он не знал, что сказать.

Брат, скорее всего, уже спит.

И деньги Кан Пэн получил не сегодня. Наверняка брат узнал о долге ещё до их дневной встречи.

Потому он и говорил те слова...

Сюй Юньшань медленно выдохнул и уткнулся лицом в колени.

Сердце сжималось от тупой боли. С того дня, как не стало матери, каждый день его жизни был отравлен.

Брат висел на волоске от смерти, но изо всех сил зарабатывал ему на жизнь, пока сам Сюй Юньшань, пышущий здоровьем, на первых курсах университета всё ещё принимал от него помощь.

Самым большим его недомоганием за эти годы был авитаминоз от дошираков и бессонных ночей, лечившийся пачкой витаминов.

А в это время Хэ Мучжи корчился от боли на химиотерапиях, каждую секунду рискуя не дожить до утра.

Мать была права: он забрал всю удачу себе, оставив близким только несчастья.

В окнах дома напротив погас свет. Единственная дежурная лампочка под потолком

отбрасывала тусклый желтый блик.

Сюй Юньшань с трудом сглотнул слюну. Сухой кашель застрял в горле. Он сжал кулаки, пытаясь сдержать дрожь, но отчаяние накрывало его с головой, точно тяжелая океанская волна.

Если бы мать тогда выжила... всё могло сложиться иначе.

Компания могла бы удержаться на плаву. Брату не пришлось бы разрываться из-за денег на лекарства.

Возможно, они нашли бы донора костного мозга и спасли его.

Это он во всём виноват.

Он убил мать.

Он утянул брата на самое дно.

Глаза горели, но слез больше не было. Сюй Юньшань до крови закусил губу.

Прошло столько лет, а он остался всё тем же никчёмным слизняком.

Кроме как жалеть себя, он ни на что не способен...

— Сюй Юньшань?

Знакомый голос раздался так внезапно, что визажист вздрогнул. Одинокая слеза всё-таки сорвалась и капнула на джинсы.

Затаив дыхание, он услышал приближающиеся шаги.

— Ты чего тут уселся? Плохо стало?

Янь Тин опустился на корточки прямо перед ним.

Не получив ответа, актер протянул руку:

— Эй?

Не успели его пальцы коснуться плеча, как Сюй Юньшань резко вскинул руку и отбил его ладонь.

Вытерев глаза рукавом, он поднял голову и уставился на Янь Тина с дикой, зверской настороженностью.

Слезы он смахнул, но покрасневшие веки скрыть не удалось. В тусклом свете лампы его влажные зрачки блестели, точно два черных агата.

Янь Тин замер. Взгляд Сюй Юньшаня отозвался где-то под дыхом физической болью.

Он опешил и невольно выдохнул:

— Ты... ты чего плачешь?

Сюй Юньшань сжал кулаки.

— Что произошло? — Янь Тин попытался включить логику, вспомнил состояние парня перед отъездом. — Ты днем...

Не дав ему договорить, Сюй Юньшань подхватил свой кейс и поднялся.

Не проронив ни слова, он шагнул в сторону и быстро направился к выходу.

Из коридора выскочил Сяо Чжан и едва не врезался в него. Отшатнувшись, ассистент удивлённо вытаращился:

— Сюй-ге? Ты ещё не ушел?

Сюй Юньшань мешкал лишь секунду, но Янь Тин уже нагнал его и мёртвой хваткой вцепился в запястье.

Визажист дёрнулся, но хватка оказалась железной.

Он обернулся, насупившись:

— Чего тебе?

— Поехали на ужин, — отрезал Янь Тин.

— Я сказал, что не хочу!

— Ты сказал, что устал и хочешь спать, — парировал актер с непроницаемым лицом. — А сейчас я вижу, что ты в полном порядке. И сил, и спеси хоть отбавляй.

—...

Янь Тин не разомкнул пальцев, лишь потянул его за собой к лифту. Бросив взгляд на обомлевшего ассистента, он бросил:

— Пошли.

Сяо Чжан хлопал глазами. Когда они дошли до лифта, он наконец выдавил:

— Брат Янь, ты же за вещами ходил? Забрал?

— Забрал, — не оборачиваясь, ответил Янь Тин и нажал кнопку вызова.

Сила у Янь Тина была зверская — то ли сказывались занятия спортом, то ли боевые искусства для фильмов. Сюй Юньшань предпринял ещё пару попыток вырваться в кабине лифта, но тот даже не поморщился. На первом этаже визажист опустил руки.

Этот парень мог сломать ему нос одним ударом. Сопrotивляться было бесполезно.

Смирившись с судьбой, Сюй Юньшань сел на заднее сиденье машины и уставился в окно, делая вид, что сидящего рядом человека не существует.

Сяо Чжан плавно тронул авто. Здание павильона быстро осталось позади.

Янь Тин тоже молчал. В его голове стояла картина: покрасневшие веки, влажные глаза и этот дикий, загнанный взгляд ежа, пытающегося защитить самое мягкое брюшко.

Он косился на профиль Сюй Юньшаня. Тот уже вернул себе привычную маску равнодушия, но мокрые ресницы выдавали его с потрохами.

Сюй Юньшань плакал... Но почему?

Машина проезжала мимо освещенного торгового центра. Свет витрин упал в салон, и в стекле отразились их лица.

Янь Тин внезапно пересёкся взглядом с отражением Сюй Юньшаня. Сердце споткнулось, и актер смущенно отвёл глаза.

Пульс зачастил. Да что с ним такое?..

Через пять минут они были на месте.

Ночь выдалась теплой, так что столы стояли прямо на улице, да и первый этаж заведения был забит. Чтобы не привлекать внимания, Сяо Чжан запарковался у заднего входа, и они поднялись на третий этаж.

Их кабинка находилась в самом конце коридора и выходила на открытую террасу, залитую лунным светом.

У Цюфэн как раз делал заказ у дверей. Увидев визажиста, он удивился:

— Юньшань? А ты как тут?

Сюй Юньшань поджал губы, не зная, как объяснить, но Янь Тин заговорил первым:

— Я вернулся за вещью, смотрю — он один сидит. Вот и захватил с собой.

У Цюфэн не стал допытываться:

— Ну и отлично! Посидишь, развеешься, выбросишь дурные мысли из головы. Янь Тин, помоги мне с меню, а то я в ваших молодежных вкусах не разбираюсь.

Янь Тин усмехнулся:

— Режиссер У, заставлять человека на жесткой диете выбирать еду — это садизм.

Но меню всё же взял.

Сюй Юньшань ощутил, как его запястье наконец отпустили. Янь Тин склонился к его уху и тихо прошептал:

— Иди садись, я сейчас.

Сюй Юньшань ничего не ответил, но кончики его ушей вспыхнули. Он отстранился.

Прозвучало так, будто они... черт знает кто друг другу.

Янь Тин провожал его взглядом, пока Сяо Чжан не усадил визажиста за стол, и только потом вернулся к меню. Помог режиссеру, а затем вышел с ним на балкон — поддержать компанию, пока тот курил.

— Режиссер У, вы, кажется, хорошо знаете Сюй Юньшаня? — выдержав паузу, спросил Янь Тин. — Не расскажете, что у него за история?

Актер вспомнил их первую встречу в офисе: У Цюфэн тогда относился к парню с особым теплом. К тому же, за все годы в шоу-бизнесе Янь Тин ни разу не слышал имя Сюй Юньшаня среди гримеров. С чего бы тот вдруг попал в съемочную группу такого уровня? Без протекции У Цюфэна тут явно не обошлось.

Режиссер затянулся, ухмыльнулся:

— А ты сам у него спроси. Вы же вроде в хороших отношениях?

Янь Тин скривил уголок рта:

— Да так себе отношения.

Слова про «хорошие отношения» были лишь шуткой для публики — ну и способ подразнить самого Сюй Юньшаня. На деле же они либо цапались, либо играли в молчанку.

При мысли об этом на актера накатила тоска. С момента их расставания прошло семь лет. Первое время он действительно страдал, но потом боль улеглась, оставив лишь легкую досаду.

Он не собирался налаживать с ним связь. У него не было причин лезть в жизнь бывшего. Так какого черта он делает сейчас?

В памяти снова всплыло заплаканное лицо.

— А по-моему, все у вас нормально, — заметил У Цюфэн. — Рядом с тобой он хотя бы выглядит живым.

Янь Тин хмыкнул, вспомнив колючий взгляд, которым его одарил визажист, и решил, что в словах режиссера есть доля правды.

Они перекинулись парой фраз по сценарию, и когда У Цюфэн потушил сигарету, вместе вернулись в заведение.

За столом уже вовсю лилось пиво, еду подносили подносами. В комнате стоял шум и гам.

Янь Тин сразу нашел взглядом Сюй Юньшаня — тот тихо сидел в углу, уткнувшись в телефон.

Актер опустился на соседний стул. Визажист вздрогнул, повернул голову:

—...Ты курил?

— Не, это режиссёр У. Я просто рядом стоял, — ответил Янь Тин.

Сюй Юньшань снова уставился в экран.

Янь Тин разглядывал его профиль. Краснота вокруг глаз сошла, слезы высохли — от давешней слабости не осталось и следа.

— От меня сильно несёт? — пытался завязать разговор актер, приносясь к собственному рукаву. — Да вроде вообще не пахнет. Ты как почувствовал? У тебя нос как у собаки, что ли?

Сюй Юньшань: «...»

Янь Тин и сам понял, что ляпнул глупость. Язык сработал быстрее мозгов по старой привычке. А ведь он не хотел его злить...

— Э-э, да я не в том смысле...

— Янь Тин, ну-ка налей! — перебил его окрик с другого конца стола.

Один из пожилых актеров, уже хорошо подшофе, махал бутылкой с красным лицом:

— Давай пиалу, за успешное завершение!

Янь Тин улыбнулся, встал и протянул бокал.

Наполнив его посуду, захмелевший коллега перевел взгляд на его соседа:

— А этот... парень почему сухой сидит?! А ну, давай сюда тару!

Сюй Юньшань замялся. Отказываться было неудобно — не хотелось портить людям праздник, и он медленно потянулся за стаканом.

Но его руку перехватила ладонь Янь Тина. Забрав стакан, актер с безупречной улыбкой произнёс:

— У него аллергия на алкоголь, ни капли нельзя. Налейте ему сока, пожалуйста.

И сделал это с таким честным лицом, будто говорил чистейшую правду. Мужчина не стал спорить и плеснул в стакан апельсинового сока.

Народу было много, еда на столах таяла мгновенно.

Сюй Юньшань приготовился весь вечер цедить сок, но не учел, что сидит рядом с ловким парнем. Янь Тин умудрялся цеплять с проносимых подносов лучшие куски и незаметно перекладывать их в тарелку визажиста.

Сюй Юньшань переводил взгляд с горы мяса в своей тарелке на Янь Тина, который с безмятежным видом поддерживал общий разговор, и испытывал странное чувство.

Если бы Янь Тин не вернулся на площадку, он бы сейчас уже был дома.

Как обычно: чертил бы до полуночи, принял холодный душ, поспал пару часов и снова ушел на работу.

Вот его нормальная жизнь. А не это беззаботное застолье.

Но возвращаться не хотелось.

Не хотелось чертить, не хотелось лезть под холодную воду, не хотелось спать обрывками.

...Не надо было соглашаться.

Попробовав тепло, возвращаться в холод будет еще больнее.

Смена блюд шла за сменой, бутылки опустошались одна за другой. Часть народа разъехалась, часть отключилась прямо на диванчиках. За столом оставались самые стойкие.

Янь Тин почти ничего не ел, но выпил прилично. Он не был пьян в дрова, но взгляд его заметно поплыл.

Когда соседи переключились на тему, в которой он не разбирался, актер расслабился и просто завалился боком на Сюй Юньшаня.

Уткнувшись лбом в его плечо, он посмотрел на тарелку визажиста:

— Ты чего не ешь?

Сюй Юньшань от такой фамильярности одеревенел. Сжав палочки, он отправил в рот кусок мяса.

Янь Тин прищурился и потянул носом воздух:

—...Пахнет вкусно. Ешь быстрее, у меня слюни текут.

Сюй Юньшань: «...»

И кто из них после этого собака?

Он попытался отпихнуть его лицо:

— Отодвинься тогда.

Янь Тин только сильнее обвил его талию руками, повиснув на нем:

— Не-а.

—...

— Ты куда днем ходил? — внезапно тихо спросил актер. — С кем виделся? Чего вернулся такой раздавленный?

— Не твое дело.

— Опять эта фраза. Ты что-то новое можешь сказать? — Янь Тин поднял голову, глядя на него снизу вверх. — Расскажи. Я хоть утешу.

Сюй Юньшань промолчал. Утешит он, как же. Скорее до инфаркта доведет.

— Опять тот «друг»? — пробормотал Янь Тин.

Сюй Юньшань застыл, только сейчас сообразив, что парень все не так понял.

Он хотел было объясниться, но осекся.

Если начать рассказывать — придется вываливать всё.

Визажист сжал губы и остался немым.

— И что за хлыщ такой, а? Привез, выбросил на улице, заставил в углу реветь... — Янь Тин прикрыл глаза, нахмурившись. Голос его прозвучал глухо и с обидой: — Ты даже когда бросал меня — не плакал.

Сюй Юньшань опустил взгляд:

— У тебя еще хватает совести вспоминать про это.

— А чего стыдиться? Меня же выставили вон, даже ничего не объяснив, — пробормотал актер.

Сюй Юньшань не ответил. Янь Тин, похоже, и не ждал ответа — он просто затих, мерно дыша ему в плечо. Кажется, заснул.

Визажист чуть повернул голову, разглядывая его лицо.

Если бы он тогда рассказал ему всё... изменилось бы что-нибудь?

Если бы они тогда не расстались...

Эта мысль мелькнула и тут же была безжалостно подавлена.

Они с Янь Тином изначально были из разных миров.

Останься он тогда — было бы только больно. Обоим.

<http://bllate.org/book/20603/2149278>